

**Н.И.ИЛЬМИНСКИЙ И И.Я.ЯКОВЛЕВ:
СОЗДАНИЕ НОВОЙ ЧУВАШСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ И НОВОПИСЬМЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА***

Языческое Поволжье после присоединения его в начале XVI века к Московскому государству еще долго оставалось в язычестве. Принудительное массовое крещение не возымело действия, наоборот отталкивало от православия. В связи со строительством церквей и монастырей стали открываться школы для язычников. Но и эти незначительные по количеству школы пустовали, ибо в них учение велось на церковнославянском языке. Учащиеся не только церковнославянского, но и русского просторечного языка не понимали. Просвещение, христианское образование чувашей зашли в тупик. Выход из тупикового состояния в деле просвещения инородцев и утверждения их в православном вероисповедании указал выдающийся ученый ориенталист, профессор Казанского университета Н.И.Ильминский, разработавший новую систему школьного образования. Основным принципом инородческого образования он объявил употребление родного языка «как оружие первоначального обучения».

И.Я.Яковлев, будучи студентом первого курса Казанского университета, полностью принял систему Н.И.Ильминского и по его примеру, под его руководством, на основе кириллицы создал алфавит чувашского языка с учетом его фонетических особенностей и основал чувашскую школу в Симбирске.

Центральным направлением деятельности И.Я.Яковлева и созданной им школы были подготовка из трудового народа собственной чувашской интеллигенции и пробуждение

---

*Доклад прочитан на Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Н.И.Ильминского и 140-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова, состоявшейся в Чувашском государственном институте гуманитарных наук 30 мая 2002 года.

ее национального самосознания. Мощным фактором осуществления этих задач И.Я.Яковлев считал родной язык. «Поднять культуру чуваш, — писал он, — возможно только через родной, понятный им язык»¹. Поэтому создание письменности и письменного общедоступного литературного языка он рассматривал как неотъемлемую часть культурно-просветительского дела. Он хорошо понимал, что литературный язык является орудием развития общественной жизни, материального и духовного прогресса народа, орудием приобщения чувашей к русской передовой культуре и поднятия собственной национальной культуры.

Превратив Симбирскую чувашскую школу в литературно-издательский центр, И.Я.Яковлев поднял чувашский разговорно-бытовой язык до уровня национального литературного языка. Это было в то самое время, когда, ослепленные угаром великодержавного шовинизма, царские чиновники не переставая твердили, что издание книг на чувашском языке развивает у чувашей только самомнение и сепаратизм, вредит политике русского правительства.

Попытки создания чувашского письменно-литературного языка были предприняты еще до Яковлева, уже в первой половине XVIII в. За последующие сто с лишним лет были изданы различные по объему и содержанию книги. Но за отсутствием собственного чувашского алфавита слова транскрибировались в них средствами русской графики. Печатание текстов исключительно русскими буквами, без учета специфических особенностей чувашской фонетики очень затрудняло передачу звукового облика чувашских слов и тем более правильное чтение текста. Это препятствовало развитию чувашской письменности и распространению чувашских книг в народе. Усовершенствованием графической системы чувашского языка в разное время занимались Е.Рожанский, А.Алмазов, В.Вишневский, С.Элпидин. Существенную поправку внес в чувашскую графику Н.Золотницкий. Но до выступления Яковлева чувашская графика оставалась неупорядоченной. Отсутствие нужных знаков мешало правильному воспроизведению специфических звуков чувашского языка. Одни и те же звуки в разных фонетических позициях обозначались различными буквами и, наоборот, слова с различным звуковым составом имели одинаковое

начертание (напр., *курăк* «трава и *курак* «грач» писались *корак*). На эти недостатки Яковлев указывал еще в 1867 г. «Я полагаю, что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при выражении чувашских звуков...», — писал он в рецензии на книгу Н.Золотницкого «Сӧлдалык кенеге»². А через четыре года, когда после успешного окончания гимназии он стал студентом историко-филологического факультета Казанского университета, И.Я.Яковлев под наблюдением Н.И.Ильминского вплотную занялся составлением чувашского алфавита. В 1871 г. вместе с русским студентом В.А.Белилиным он составил на основе низового диалекта первый вариант нового чувашского алфавита, состоящего из 47 знаков, и на этой основе в 1872 г. издал букварь под названием «Тъваш адизене сырва вьренмелли кнеге» (к печати разрешено 15 ноября 1871 г. Советом братства св. Гурия). Однако из-за громоздкости и технического несовершенства знаков первый алфавит для практического пользования оказался крайне неудобным. В 1872 г. Яковлев и Белилин переделали алфавит, сократили количество букв до 27. Из них 18 букв — *а, п, в, к, т, е, ш, с, и, л, м, н, о, р, у, ф, х, ы* — выражали общие для русского и чувашского языков звуки, буква *ј* вводилась для обозначения общего для русского и чувашского языков среднеязычного согласного звука *й*, а 8 букв с диакритическими знаками отображали специфические звуки чувашского языка. Этим алфавитом в том же 1872 г. были изданы литографическим способом новый чувашский букварь и перевод книги «Начальное учение православной христианской веры», которыми было положено начало зарождению современного чувашского литературного языка. В 1873 г. Яковлев снова пересмотрел и усовершенствовал свой алфавит и издал «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» и второе издание «Начального учения православной христианской веры». В новом алфавите буквы *о, ф*, как несвойственные низовому диалекту, были изъяты, буква *ј* заменена буквой *й*, буква *в* — буквой *ă*, буква *ь* — буквой *ĕ*. В двадцатипятибуквенном алфавите, вошедшем в историю с именем И.Я.Яковлева, все чувашские специфические звуки получили свое графическое обеспечение, при этом новые чувашские буквы представляли собой те же буквы русского алфавита, но дополненные диакритическими знаками.

Создание собственного алфавита явилось целой революцией в культурной и общественно-политической жизни чувашского народа. Интерес к чувашской книге резко повысился. Благодаря усовершенствованию письменности и использованию родного языка в первоначальном обучении, чуваша с доверием стали относиться к школам.

Но реакционная часть духовенства, первым запевалой которой выступил священник В.Я.Смелов, исключительно враждебно реагировала на появление алфавита Яковлева. Ее раздражало, что Яковлев, вместо того чтобы содействовать обрусению «инородцев», «задался мыслию чувашский язык сделать книжным», «цивилизованным, с своей транскрипцией»³ (т.е. алфавитом. — *Н.П.*). Очень трудно было бы И.Я.Яковлеву отстаивать начатое дело без поддержки передовых русских деятелей. Десятки объяснений приходилось писать проф. Н.И.Ильминскому, вдохновителю создания чувашского алфавита, в защиту деятельности Яковлева. Искренне сочувствовал и всячески поддерживал Яковлева инспектор народных училищ Симбирской губернии И.Н.Ульянов. Примечательно, что в 1873 г., получив из типографии свой новый «Букварь для чуваш», изданный на новом, окончательном варианте алфавита, Яковлев тотчас же отправил один экземпляр И.Н.Ульянову. С такой же оперативностью Илья Николаевич ответил ему: «Я получил вчера и экземпляр Вашей книжки. Очень рад за Вас, что она окончилась печатанием, постараюсь употребить с своей стороны возможное содействие распространению ее в чувашских школах»⁴.

Приступая к работе по определению звуков и букв чувашского языка, за основу будущего алфавита И.Я.Яковлев взял низовой укающий диалект, и его первый букварь был написан на низовом диалекте. Согласно утвержденному царским правительством 26 марта 1870 г. распоряжению об использовании живых наречий инородцев при первоначальном обучении их грамоте, для верховых чувашей Яковлев хотел издать особый букварь на их окающем диалекте. «...Как бы мала ни была разница между наречиями анатри и вирьял, — писал он, — по нашему мнению, для первоначального обучения в школе необходимо составлять учебники на том и другом наречии»⁵. Но вскоре он понял, что для консолидации нации необходим единый общенародный литератур-

ный язык, а издание книг на двух диалектах приведет к образованию двух письменно-литературных языков, которые в своем дальнейшем развитии могут далеко отойти друг от друга. Поэтому он решительно отказался от издания учебников на двух диалектах. В качестве опорной базы будущего литературного языка Яковлев выбрал язык своего округа, в частности, язык родной деревни Кошки Буинского уезда Симбирской губернии. Ильминский и тут был его первым советником. В мемуаре И.Я.Яковлева «Моя жизнь» мы читаем: «Ильминскому, которому удалось познакомиться с языком чуваш этой деревни, нравился тамошний выговор. И он, считавший, что в основу для всех чуваш, говорящих с разными местными особенностями и оттенками, должен быть положен один какой-либо чувашский говор, останавливался как на самом подходящем для такой цели говоре крестьян-чуваш деревни Кошки»⁶. И.Я.Яковлев как инспектор Казанского учебного округа и как инспектор Симбирской чувашской школы, сосредоточив в своих руках все литературно-переводческое и издательское дело, усиленно стал культивировать в своих изданиях диалект низовых чувашей, обогащая его элементами верхового диалекта.

В дояковлевский период, когда книги издавались исключительно на основе верхового окающего диалекта, чувашский книжный язык не сумел выработать устойчивых норм. Особенно поражает он лексической пестротой, стилистической неупорядоченностью. Яковлев свою издательскую деятельность начал с выработки единых языковых норм словоупотребления. Он хорошо понимал, что необходимым условием существования литературного языка, призванного обслуживать все население данного языкового коллектива, является единство языковых норм — фонетических, морфологических, синтаксических, стилистических, лексических, произносительных. Первым мероприятием по выработке языковых норм чувашского общенародного литературного языка было известное «Предупреждение», составленное Яковлевым в 1872 г., которое перепечатывалось почти в каждом издании букваря. В «Предупреждении» изложены графические, орфографические и произносительные нормы чувашского литературного языка. Что касается фонетических, морфологических и синтаксических норм, то они вырабатывались в процессе коллективной творческой работы. В первых изданиях

букваря эти нормы ориентировались исключительно на низовой диалект. Но с 80-х гг. язык яковлевских изданий начинает приобретать общенародный характер.

Создавая общенародный литературный язык, в основу произносительной формы И.Я.Яковлев положил низовое произношение. В силу этого из звукового состава литературного языка выключил звук *o*, т.к. в низовом диалекте вместо верхового *o* произносится *y*. Верховое *ч*, произносимое почти как русское *ч*, он заменил низовым *т*, произносимым как сочетание звуков *тш*.

В чувашской разговорной речи, особенно в верховом диалекте, конечные гласные неполного образования *ă* и *ĕ* имеют тенденцию к утрате, ср.: *кивĕ* — *кив* «старый», *сывă* — *сыв* «здоровый». В яковлевских изданиях в соответствии с народным произношением обе формы признавались литературными.

В живом разговорном языке гласные неполного образования *ă* и *ĕ* выпадают и в середине слова, ср.: *ырăлăх* — *ырлăх* «доброта», *пурăнăç* — *пурнăç* «жизнь», *вĕлтĕрен* — *вĕлтрен* «крапива». Яковлев обе формы включил в литературную норму.

Нормы устанавливались и в области ударения. В чувашском языке ударение не имеет единой системы. В некоторых говорах низового диалекта оно всегда бывает на конечном слоге, а в верховом место ударения зависит от наличия в слоге гласного неполного образования *ă* и *ĕ*. В основу литературного ударения Яковлев положил южнобуинское ударение, занимающее промежуточное положение между низовым и верховым ударениями. Оно характеризуется следующими особенностями: 1) если в слове все слоги содержат полногласные звуки (*a*, *y*, *ы*, *э*, *и*, *ŷ*), то ударение падает на последний слог: *качака* «коза», *хурама* «вяз»; в этом случае яковлевское ударение совпадает и с верховым, и с низовым ударениями; 2) если в слове все гласные являются краткими (*ă*, *ĕ*), то ударение падает на конечный слог: *кăмрăк* «уголь», *чĕкĕнтĕр* «морковь»; 3) если в слове конечный слог содержит в себе краткий гласный, а гласные предыдущих слогов являются полными, то ударение перемещается на предыдущий слог: *юманлăх* (дубняк), *туратлă* «ветвистый»; в этом случае яковлевское ударение

отходит от низового ударения и близко соприкасается с верховым.

Принятые И.Я.Яковлевым нормы ударения просуществовали до 20-х гг. В 1920 г. основоположник чувашской советской поэзии Михаил Сеспель литературной нормой объявил верховое ударение, которое от яковлевского ударения отличается только одним правилом (2-й случай).

В области морфологии нормализация чувашского литературного языка сводилась к следующему:

1) Если в дояковлевском книжном языке аффикс множественного числа собственно верховому диалекту употреблялся с двойкой огласовкой *-сем* для имен с гласными переднего ряда и *-сам* для имен с гласными заднего ряда, то Яковлев, ориентируясь на низовой диалект, установил нормой лишь вариант с палатальной огласовкой *-сем*.

2) Если в дояковлевском книжном языке родительный (притяжательный) падеж соответственно верховому диалекту употреблялся, как правило, в краткой форме, то Яковлев, ориентируясь на низовой диалект, включил в литературную норму обе формы — краткую и полную, но в букварях отдавал предпочтение полной форме. Примеры:

Пёр пичёкенён хёрёх кайшл (Букварь, 1873. С. 15) «У одной бочки сорок обручей». *Упренён ёмерё икё эрне* (Букварь, 1886. С. 14) «Жизнь мошки на две недели». *Тыткала пёлмен ал-уранайн чёрни вёсне шярпак кёнё тет* (Букварь, 1898. С. 20) «Неповоротливому человеку под ноготь заноза попала».

3) Принадлежность предмета 2-му лицу в чувашском языке выражается при помощи аффикса *-у* (*y*). Но в некоторых говорах низового диалекта параллельно с этим аффиксом в том же значении употребляется аффикс *-ă* (*ě*). В изданиях 70-х гг. Яковлев оба аффикса использовал на равных правах. Примеры: *Урайна сыр* (Букварь, 1873. С. 7) «Обуйся». *Лашу мён тёслёччё? — тесе каларё тет лешё сын* (Там же. С. 25) «А лошадь твоя какой масти? — спросил тот человек». *Алсайна хур* (Букварь. Казань, 1880. С. 2) «Положи свои рукавицы». *Санайн уру урлă* (Там же) «Ты косолап». *Санайн сурăхă аманнă* (Там же, стр. 4) «Твоя овца изувечилась».

С 80-х гг. аффикс принадлежности *-ă* (*-ě*) начинает вытесняться из книжного употребления. Показательным является здесь сопоставление разных редакций народного

шуточного стиха «Синичка». В букваре 1873 г. этот стих имеет следующую редакцию:

Чи-чи, кәсйә, әста каятән, кәсйә? — Кантәр вәрри симешкән. — Е хуҗи курсассән? — Тарән, хәпарән хыр тәррине. — Е хырама выссассән? — Хыра икелли сийән. — Е пырна ларсассән? — Чавән, чавән, кәларән. — Е юн тухсассән? — Шыва кәрән, чүхенән. — Е төкә шәнсассән? — Вут хурән, айһәнән. — Е вут вайлә кайсассән? — Тапән, тапән, сүнтерән. Е уру хуҗалсассән?..

«Постой, стой, синичка, куда летишь? — Конопляные семечки клевать. — А если хозяин увидит? — Взлечу на макушку сосны. — А если проголодаешься? — Сосновые шишки буду клевать. — А если подавишься ими? — Поцарапаю да и вытащу. — А если кровь пойдет? — Слетаю на речку да и выкупаюсь. — А если перья примерзнут? — Разложу костер да согреюсь. — А если ногу сломаешь?..»

Сопоставим этот текст с текстом 1885 г. издания:

*Чи-чи кәсйә,
Әста каян кәсйә?
— Кантәр вәрри симешкән.
Е хуҗи курсассән?
— Тарән, хәпарән хыр тәрне.
Е хыраму выссассән?
— Хыр йәкелә сийән-сәке.
Е пырна ларсассән?
— Чавән, чавән, кәларән.
Е юн тухсассән?
— Шыва кәрән, чүхенән.
Е төкә шәнсассән?
— Вут хурән та айһәнән.
Е вут вайлә кайсассән?
— Тапән, тапән, сүнтерән.
Е уру хуҗалсассән?*

В издании 1900 г. 10-я строка дана в редакции «*Е юну тухсассән?*»; 12-я строка — «*Е төкү шәнсассән?*», 14-я строка «*Е вутту вайлә кайсассән?*»

4) В живой разговорной речи глаголы изъявительного наклонения настоящего времени в 1-м и 2-м лице единственного числа, в 3-м лице множественного числа употребляются в двух вариантах — полном и усеченном,

например, *калатӑн* — *калан* «я говорю», *калатӑн* — *калан* (ты говоришь), *калаҫҫӗ* — *калаҫ* «они говорят». За литературную норму Яковлев принял только полную.

5) В живой разговорной речи формы условно-временного деепричастия выступают также в двух вариантах: с аффиксом *-сассӑн* (*-сессӗн*) и *-сан* (*-сен*). Яковлев оба варианта включил в литературную норму. Примеры: *Тӑвӑл чарӑнсассӑн: хамӑртан хамӑр кулатпӑр* (Букварь, 1885. С. 15) «Когда прошел вихрь, мы стали смеяться над самими собой». Ялан ӑспа *сӑресен* ялти ватӑ ятламасть (Там же. С. 16) «Когда себя разумно ведешь, то и мудрые старики не будут тебя ругать». *Ҫар иртсесӗн паттӑр нумай* (Там же. С. 16) «После боя героев много».

6) В низовом диалекте, в отличие от верхового, широкоупотребительна так называемая глагольная форма «имя действия». Она образуется от глагольных основ путем присоединения аффикса *-у(-ў)*. Эту глагольную форму Яковлев с самого начала принял за литературную норму, вводил ее в букварь, ср.:

Хӑй ҫӑварӗнчи шӑммине те сухатрӗ тет, лешне те илӗ пулаймарӗ тет (Букварь, 1900. С. 27) «Собака и свою кость упустила, и ту не взяла». *Кайран хӑй: «Ятлаҫӑна ан кай ёнтӗ, тилӗ тус!» тесе ӑсатса ярать тет лешне* (Там же. С. 31) «Провожая журавль ей говорит: «Ну, не обессуди, кума». *Ну кӑкшӑм, алхасу ҫитӗ ёнтӗ, ман киле каймалла тата, ярах ёнтӗ, кӑкшӑм тус, тесе калать тет хӑй* (Там же. С. 43) «Ну, кувшин, хватит баловаться, мне уж домой пора, отпусти меня, кум», — говорит ему лиса».

7) В низовом диалекте аффиксы выделения и принадлежности в косвенных падежах могут чередоваться с *-ӑ(-ӗ)*. Чередование *-и* с *-ӑ(-ӗ)* наблюдается здесь и в отглагольных именах. В своих первых изданиях подобное чередование Яковлев признавал за литературную норму, ср.:

Ан ӧрла, тет, сын япалине пусмӑрласа ан ил, тет, сынӑн сухалӑ япалине тупсан хусӗне памасӑр ан тыт... (Начальное учение..., 1873. С. 57) «Не воруй, насильно не отнимай, найденную вещь не присваивай». *Пӗр сынӑн укҫа сухалӑ, тет, ӧррӑне ниепле те тупаймаҫҫӗ, тет* (Букварь, 1880. С. 14) «У одного человека пропали деньги, и никак не могут отыскать вора». *Сире ырӑ ёҫе ӧрентекен сынсенӗн сӑмахне итлӗр, ӧсем хушӑне ан манӑр...* (Там же. С. 31) «Слушайтесь

ваших доброжелателей, не забывайте их наставлений». *Энё сырѡва вѣренесшѣн те, анчах начар пѣлетѣн, вѣрентекен каланѣне ѡнланаймастѡн...* (Там же. С. 33–34) «Я хочу научиться грамоте, но очень плохо разумею, не понимаю объяснений учителя».

В 80-х гг. чередование аффикса *-и* с *-ѣ* (*-ѣ*) вытесняется из употребления, в норму включается только *-и(-ѣ)*.

8) Между верховым и низовым диалектами имеется некоторое расхождение в употреблении вопросительных частиц. В низовом диалекте, в отличие от верхового, для выражения вопроса широко употребляются частицы *-а(-е)*, *-ам(-ем)*. Яковлев эти частицы включил в литературную норму наравне с частицами *-и*, *-им*. Это хорошо видно на примере его широко известного рассказа «Как мужик лошадь искал», где частицы *-и*, *-а(-е)* употребляются как синонимичные.

9) Низовой диалект несколько расходится с верховым в употреблении отрицательной частицы *ан*. Эта частица, образующая отрицательную форму глаголов повелительного наклонения, в верховом диалекте употребляется только во 2-м и 3-м лицах. Что касается 1-го лица, то здесь отрицательная форма образуется при помощи частицы *мар*. В низовом диалекте частица *ан* может выступать во всех трех лицах, ср.:

1. <i>Энё ан каям</i>	<i>Эпир ан каяр</i>
2. <i>Эсѣ ан кай</i>	<i>Эсир ан кайѣр</i>
«Ты не ходи»	«Вы не ходите»
3. <i>Вѡл ан кайтѡр</i>	<i>Вѣсем ан кайчѣр</i>
«Он пусть не ходит»	«Они пусть не ходят»

Наличие двух частиц (*мар* и *ан*) для образования отрицательных форм глаголов 1-го лица повелительного наклонения Яковлев признал нормой; ср. в его букваре:

– *А-а-х! апла пулсассѡн сывѣ пулах, йытѣ тус, сирѣн нек самѣр ан пулам та, хам ирѣкѣмре хам сѣрем!* – *тесе каларѣ тет те, шурѣ тет кашкѣр вѣрманалла* (Букварь, 1900. С. 34) «Ну, так прощай, собака, – сказал волк. – Пускай не так жирен буду, да на воле. И побежал в лес».

Ср. еще у М.Ф.Акимова, воспитанника Симбирской чувашской школы:

Энё ан сухалам, ан акам. Пурѡнѡччѣс-ха антѡхса! («Хьшпар», 1906, № 25. С. 402) «Не спеши я, не посеяй, как бы стали жить они!»

Ц - 40251

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Длительным был процесс становления лексических норм. Он сталкивался с рядом трудностей. Одна из этих трудностей заключалась в том, что в определенной части словарного состава чувашские диалекты и говоры расходятся. Большие расхождения наблюдаются, например, в употреблении терминов родства и свойства, названий предметов домашнего обихода, названий пищи, овощей, растений и т.п. Иногда одни и те же слова в разных говорах и диалектах употребляются в разных значениях. Выработывая лексические нормы, Яковлев и его ученики ориентировались как в области фонетики, так и грамматики, прежде всего на низовой диалект. Так, из диалектных вариантов терминов родства и свойства *атте* — *ати* — *аттей* «отец», *анне* — *ани* — *анай* «мать», *асатте* — *аслатте* — *аслаттей* — *аслатти* — *атетте* — *атитте* — *маşак* — *маşi* «дедушка по отцовской линии», *асанне* — *асланне* — *аслапай* — *аненне* — *мамак* «бабушка по отцовской линии», *тете* — *пиччи* — *пичи* — *пичей* «старший брат, дядя», *апна* — *акка* — *аки* — *акай* «старшая сестра, тетя» и т.п. литературной нормой установились варианты низового диалекта *анне*, *атте*, *асатте*, *асанне*, *пичче*, *апна* и т.п.

Вместе с тем молодой литературный язык не чуждался и элементов верхового диалекта. Верховой диалект рассматривался как дополнительный поставщик речевых средств для развития и обогащения литературного языка. В течение двух-трех десятилетий язык яковлевских изданий вобрал из верхового диалекта множество слов, из которых одни утвердились в литературном языке на правах лексических синонимов (напр.: низов. *масар* — верхов. *şăва* «кладбище», низов. *хир* — верхов. *уй* «поле», низов. *минтер* — верхов. *şытар* «подушка», низов. *пuşă* — верхов. *şăл* «колодец»), другие включились для конкретизации существующих понятий. Например, в низовом диалекте понятия «старший родной брат» и «старший брат отца (дядя)» выражаются одним и тем же словом *пичче*, в некоторых говорах — *тете*. В верховом диалекте эти два понятия имеют свои названия: старший брат называется *пичче*, в отдельных говорах — *пиччи* (*пичи*), *пичей*; старший брат отца (т.е. дядя) — *мучи*, в отдельных говорах — *мучей*, *мучук*, *мочи*, *мочей* и т.д. В 90-е гг. для выражения понятия старшего брата отца в литературный язык проникает

слово *мучи*, и с того момента семантика слова *пичче* начинает суживаться. В современном литературном языке термины *пичче* и *мучи* выражают строго определенные понятия.

Иногда одни и те же слова употребляются в разных говорах и диалектах в разных, а в некоторых случаях совершенно противоположных значениях. Для нормализации употребления подобной категории слов Яковлев и его сотрудники прибегали к уточнению значений слов. Так, в некоторых говорах верхового диалекта сено называется *вутӓ*, а дрова — *вотӓ*. В низовом диалекте *вутӓ* означает дрова, *утӓ* — сено. Для нормализации употребления данных слов в литературе Яковлев дает в своем букваре такие примеры: *Утта сулацӓӗ* «Сено косят». *Вутта татацӓӗ* «Дрова пилят» (Букварь, 1886. С. 12).

В большинстве случаев значение не везде распространенного, но принятого за литературную норму слова Яковлев объясняет его диалектным синонимом, взятым в скобки. Таковы, напр., *улма (паранкӓ)* «картофель», *кайӓкӓӗ (сунарӓӗ)* «охотник», *шыври (вутӓш)* «русалка», *пичче (мучей)* «дядя», *хир (уй)* «поле» и т.п.

Наиболее длительной и сложной была нормализация новых лексико-фразеологических заимствований. Заимствование русских и интернациональных слов, выражающих новые понятия, явления и предметы, И.Я.Яковлев рассматривал как прогрессивное явление, способствующее развитию литературного языка.

Степень употребительности русских интернациональных слов в дореволюционном литературном языке менялась в зависимости от стиля речи, от жанровых особенностей текста. Если в языке художественных произведений доля иноязычных, в частности русских и интернациональных, слов была незначительной, то в языке научно-популярной и публицистической литературы круг иноязычных заимствований расширялся. Но некоторые слова, в частности имена существительные на *-ия*, *-ая* и имена прилагательные, входили в литературную норму с чуждыми для чувашского языка родовыми окончаниями, а практика орфографирования подобного рода заимствований происходила в отрыве от народного произношения. Так, напр., при Яковлеве писали и произносили *Азия*, *Греция*, *операция*, *столовая*, *карболовая*

кислота, ладожская купѣста «ладожская капуста» (в современном литературном языке *Ази, Греци, столовай, карбол кислоты, Ладога купѣсти*). Такие штампы-заимствования на общем фоне языка выглядели «инородными телами» и в плане освоения перспектив не имели. В советское время произносительные и орфографические нормы вышесказанных заимствований были приведены в соответствие с народным произношением.

Добиваясь общедоступности и нормативности литературного языка, любой чувашский текст, прежде чем сдать его в печать, Яковлев выносил на обсуждение. В обсуждении принимали участие представители разных говоров и диалектов. «Тут происходили споры, вспоминал об этих обсуждениях проф. Н.И.Ашмарин, — и в конце этих споров, в которых принимали участие десятки лиц, устанавливался тот или иной текст. Следовательно, этот язык с самого начала был общечувашским, а не чисто низовым или верховым»⁷. Всесторонне обсужденные рукописи часто отсылались сельским учителям и священникам для окончательного заключения. Нередко Яковлев и его сотрудники сами выезжали в деревни для встречи с читателями и, перечитывая текст своих рукописей представителям самых различных говоров и диалектов, лично удостоверялись в доступности создаваемого языка.

При выработке стилистических норм литературного языка Яковлев и его сотрудники опирались прежде всего на устное народное творчество. В произведениях фольклора они находили образность и выразительность языка, национальный колорит. Свою литературную деятельность И.Я.Яковлев начал с записей и обработки фольклорных произведений и широко привлекал к этому делу своих сотрудников и учеников. Еще летом 1871 г., после окончания первого курса университета, он организовал фольклорную экспедицию (в составе Сергея Тимрясова, Василия Белилина, Алексея Рекеева, Игнатия Иванова и Тимофея Петрова) в чувашские деревни Буинского у. Симбирской губ., где ими было записано «много сказок, песен, поговорок, загадок»⁸. Материалы экспедиции удачно использовались потом в чувашских букварях, в оригинальных художественных произведениях, а также при переводе на чувашский язык произведений русской литературы.

При выработке стилистических норм чувашского литературного языка важную роль сыграли переводы с русского на чувашский. По мнению И.Я.Яковлева, переводы с одного языка на другой должны были развивать у переводчика языковое чутье, прививать навыки литературного употребления средств родного языка. Поэтому в Симбирской школе в обучении языкам переводы занимали одно из важных мест. В 1872 г. Яковлев писал, что ученики систематически должны заниматься переводами с русского на чувашский язык, «тогда мальчики (т.е. ученики. — *Н.П.*) научатся правильно владеть и русским языком, и чувашским языком, а важнее всего тут будет то, что мы со временем, если в этом постоянно будем упражняться, будем иметь превосходных переводчиков для переложения... всего необходимого и полезного для чуваш⁹. В яковлевской школе воспитывались замечательные переводчики, которые своим творчеством значительно обогатили чувашский язык новыми речевыми средствами, образными выражениями и поэтическими оборотами. Ориентируясь на культуру русского слова, они создавали в чувашском языке новые слова и словосочетания, обогащали семантику бытующих в языке слов новыми значениями. Так, при переводе церковно-богослужебной литературы из ресурсов родного языка было образовано множество новых слов и словосочетаний для обозначения специальных и отвлеченных понятий. Сюда относятся, напр. слова, образованные при помощи аффиксов *-лӑх(-лӑх)*, *-сӑ(-сӑ)*, *-ла(-ле)* и некоторых других: *сынлӑх* «человечность», *тивӑслӑх* «достоинство», *вилӑмсӑрлӑх* «бессмертие», *тӑрӑлӑх* «честность», *пӑлӑмсӑ* «знаток», *эмелсӑ* «лекарь», *кӑнекесӑ* «книжник», *курӑн* «явление», *тӑрӑслӑхлӑ* «правдивый», *вилӑмлӑ* «смертный» и т.п.

Если в первое время Яковлев и его ученики в выборе литературы для перевода ограничивались учебной религиозно-богослужебной литературой, то впоследствии круг их переводческих интересов значительно расширился.

Наряду с Библией еще в 80-х гг. прошлого века Яковлевым и его учениками были переведены на чувашский язык 1-я и 2-я, затем 3-я и 4-я «Книги для чтения» Л.Н.Толстого, произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Кольцова, Аксакова и др. В последующие годы

начали переводить научно-популярную литературу — историческую, агрономическую, ветеринарную, санитарно-медицинскую. С 1872 по 1917 гг. на чувашском языке было издано более 700 названий книг, основную часть которых составляла переводная литература. Переводы церковно-богослужебной литературы дали церковно-богослужебный стиль речи, переводы учебно-педагогической литературы способствовали формированию научной терминологии и стиля научно-популярной речи, переводы произведений русской классической литературы ускорили становление и развитие стилей художественной речи.

Симбирская учительская школа замечательна и тем, что из ее стен вышла, кроме переводчиков, целая плеяда писателей. Такие замечательные писатели и поэты, как К.В.Иванов, Н.В.Шубоссинни, Тайр Тимки, М.Ф.Акимов, М.Д.Трубина и др., способствовали своим творчеством развитию и совершенствованию речевой культуры, закреплению и популяризации в народе норм чувашского литературного языка.

Становление и стабилизация чувашского литературного языка рассматриваемого периода активно стимулировались еще тем, что благодаря стараниям Яковлева и его учеников этот язык стал языком школьного преподавания и языком церковных проповедей и молитв, а в годы первой русской революции — языком прессы.

Яковлев очень реагировал на притеснения, чинимые царскими чиновниками языку инородцев. Когда в 1914 г. попечитель Казанского учебного округа издал распоряжение, запрещающее употребление родного языка в чувашских школах, И.Я.Яковлев выдвинул идею собрать в народе «достаточное число голосов» с требованием расширить права родного языка инородцев и с этим требованием обратиться в Государственную думу¹⁰. Трудно сказать, насколько удовлетворила бы Государственная дума требования инородцев, но разразившаяся империалистическая война помешала осуществлению идеи Яковлева. Только после революции 1917 г. чувашский язык получил статус официального языка.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, № проекта 01-04-22001 а/В.

Литература

¹ Письмо к А.С.Михайлову от 23 января 1914 г. НА ЧНИИ. Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 774.

² «Симбирские губернские ведомости» от 13 мая 1867 г.

³ [Н.И.Ильминский]. Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии. Казань, 1890. С. 30.

⁴ Письмо к И.Я.Яковлеву от 5 апреля 1873 г. //«Записки Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В.И.Ленина». Вып. 18, 1956. С. 345. Здесь цитируется по книге «И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников». Чебоксары, 1968. С. 127.

⁵ И.Я.Яковлев. Тъваш адизене сыръва вьренмелли кнеге. Букварь. Казань, 1872. С. 4.

⁶ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 215.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 136. Инв. №231. См. также наст. сб. С. 276.

⁸ Письмо И.Я.Яковлева к Н.И.Ильминскому от 24 июня 1871 г. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 136.

⁹ Письмо к А.В.Рекееву от 20 февраля 1872 г. НА ЧНИИ. Отд. IV. Ед. хр. 527. Л. 479–480.

¹⁰ Письмо к А.С.Михайлову от 23 января 1914 г. НА ЧНИИ. Отд. II. Ед. хр. 527. Л. 773.